

На следующий день Михаила арестовали полицейские из Кардиффа. Последний раз Розали видела его, когда на него надевали наручники.

Но Розали предстояло встретиться с ним ещё раз, потому что она была палачом. Это требовалось для написания отчёта. Ведение записей обо всех происшествиях — одна из обязанностей палачей.

В отличие от умерших людей, умершие вампиры не оставляли никаких доказательств своего существования. Поэтому, согласно правилам, свидетель или палач должен был дать показания.

— Это простая формальность, но не мог бы ты рассказать, что произошло?

Поначалу Михаил не хотел говорить, но вскоре открыл рот и честно ответил на все вопросы Розали.

Он начал с того, что его ребёнком бросили перед дверьми Троицкого собора — это было самое первое его воспоминание.

— Нас с сестрой, сирот, бросили перед Троицким собором. Монах приютил нас и вырастил.

— Ты говоришь о монахе, который раньше служил в Троицком соборе?

— Да, он был моим предшественником. Но! Он был настоящим волком в овечьей шкуре! — при этих словах Михаил стиснул зубы и ударил руками в наручниках по столу. Но вскоре мужчина затих. Наверное, понял, что теперь и сам не сильно отличался от него.

— Пожалуйста, продолжай. Бывший монах оскорблял тебя и твою сестру?

— Оскорблял? — усмехнулся Михаил. — Лучше бы я умер от укуса вампира. Лишь бы не жить под одной крышей с этим волком.

— Что произошло?

Михаил сжал губы, но так и не рассказал подробностей того, что совершил монах.

— ...Тогда как ты узнал, что Кровавый Лорд Хадад жив?

— ...Когда был юн, я часто сбегал в церковь и молился. Тогда и узнал, что в подвале собора лежит мёртвый вампир. И стал молиться ему от всего сердца. Просил его, чтобы этого сумасшедшего монаха поймали. А спустя некоторое время этого негодяя нашли растерзанным на опушке леса.

— Хочешь сказать, ты молился Хададу, и он услышал тебя?

Михаил пожал плечами.

— Жители города решили, что это был дикий зверь. Это сейчас кругом фонари и заборы, тогда ничего подобного не было.

— А что думал ты, Михаил?

— Я поверил, что мои молитвы были услышаны. Что мог знать маленький мальчик? Я просто обрадовался, побежал в подвал Троицкого собора и рассказал о случившемся своему «Богу»... В тот же день мою сестру укусил Кровавый Лорд, — сказав это, Михаил ненадолго замолчал, как будто с головой погрузился в те ужасные воспоминания.

— Что было дальше?

— ...Мне никто не поверил. Все только смеялись и говорили, что мою глупую сестру не мог укусить вампир, — голос Михаила стал тише. — Эта поганая вера зародилась в сердцах людей из-за того, что город построен вокруг собора Рика Ханта. Вера в абсолютную защиту от вампиров, — прозвучал сдавленный смех. — Мы были всего лишь брошенными детьми без родителей. Кто нам поверит? Даже обыкновенные преступления легко скрыть в таком крошечном городке.

— А что насчёт Томаса?

— Раньше он был совсем другим. Тринадцать лет назад он без зазрения совести бил ногами и плевал в двух голодных сирот, постучавших в дверь его гостиницы. Потеряв жену и первую дочь, он немного смягчился. А его вторая дочь неплохо устроилась в Кардиффе.

— Что случилось с его женой?

— Она стала первым подношением. Это была месть зелёного юнца. Но его первая дочь действительно умерла от болезни. Я не имею к этому отношения. Хотя тогда мне было приятно видеть, как кара настигла этого негодяя. Но пойми, пожалуйста. Не я это начал. Я сам был жертвой общества...

Михаил замолчал.

Затем Розали продолжила:

— Но это не оправдывает твоих действий. Это умышленное убийство. Даже если бы твоя сестра была жива, идея убивать других ради её спасения недопустима. Это не подношение, а простое

убийство.

— Может, я просто искал себе оправдание. На самом деле я ведь... не хотел этого.

— Надеюсь, по крайней мере теперь ты не будешь искать оправдания и прикидываться невинной овечкой.

— Это смешно. Когда я пришёл в себя, то и сам понял, во что превратился...

Розали молча посмотрела на Михаила и задала ещё один вопрос:

— Кто дал тебе информацию о вампирах? Кто надоумил принести жертву ради спасения сестры?

— Я услышал это от самого Хадада. В тот день, когда мою сестру укусили.

— Ты уверен, что это был Хадал?

Немного задумавшись, Михаил ответил:

— Впервые я услышал его голос в лесу, затем — в соборе. Но голос звучал почти так же. Он сказал, что ему нужны три жертвы, чтобы вернуть своё сердце.

— Почему ты не связался с Агентством казни в Кентербери?

— Ну, когда я заговорил об этом, жители мне не поверили.

Вот почему отчёт не был составлен должным образом. Такое нередко случалось в небольших изолированных городах и деревнях, где система не налажена должным образом.

— Почему ты ни с кем не связался, когда стал монахом? Монаху не составило бы труда привести сестру в Агентство казни.

— Собственными руками подвести родную сестру к плахе?

— Это заблуждение, мы не обезглавливаем всех вампиров без разбора.

— ...Я не мог надолго покидать Уэльс. Он сказал, что убьёт мою сестру, если я уйду...

— Что случилось с Эбигейл?

— Тогда я не знал, что принести в жертву ребёнка будет недостаточно.

Розали уставилась на Михаила, низко опустившего голову. У неё из головы не выходил образ девочки, разыскивающей свою мать. И фигура Михаила, нашедшего истекающего кровью и умирающего ребёнка.

Гил вложил отчёт, написанный изящным почерком, в папку.

— Спасибо за честность. Решение о твоей дальнейшей судьбе будет принято Кентерберийским Агентством казни. Даже если ты никого не убил своими руками, это не меняет того факта, что ты был пособником в убийствах.

Розали встала со своего места, немного помолчала, а затем спросила:

— И ещё один вопрос. Личного характера. Неужели ты правда не знал? Того, что твоя сестра была мертва. Не думаю, что вблизи можно было не заметить явных изменений.

— Хочешь сказать, что я осознанно не замечал этого? — сказал Михаил и замолчал.

Прежде Розали только читала о подобном в книгах, но, судя по всему, всё так и было.

Когда кто-то попадался вампиру, умирал и становился его марионеткой, близкие родственники старались не замечать изменений в них. Точно так же, как это было с Михаилом.

— Если я признаю это, выдержит ли мой разум?

Это было последнее, что сказал ей Михаил.

На этом допрос закончился.

Михаил всем сказал, что его вызвали в Кардифф. Жизни Бена ничего не угрожало. Томас был глубоко обижен, но зашёл к Михаилу, прежде чем его увезли. Они переглянулись, но не сказали друг другу ни слова.

Сироты из приюта перешёптывались и протискивались сквозь толпу. У них были расстроенные лица. Дети не понимали всего произошедшего и искренне прощались с Михаилом. Михаил скрыл свою горькую усмешку.

Глядя на отправляющийся конвой, Розали вздохнула.

— Я всё думаю о том, как страшно было во времена Кровавой Бойни. Если тебя кусал вампир, ты тоже становился вампиром.

— К чему ты об этом вспомнила?

— Неужели нет способа спасти человека, укушенного вампиром?

— Нет. Тех, кого обращали в вампиров, выслеживали и убивали. Выживали лишь немногие счастливицы.

— У меня мурашки бегут по коже, когда я думаю о Хададе, которому, должно быть, преподнесли бесчисленное количество жертв. И который смог таким образом прожить четыре сотни лет.

— Я слышал о регенерации, но она осуществлялась ценой жизни, а не крови, и мне никогда не доводилось видеть её в действии. В конце концов, мы совсем как грабители... Крадём чужую жизнь ради продления собственной.

Запрет на обращение в вампиров и подсчёт числа вампиров были решениями, принятыми исключительно ради комфорта людей.

— Нужно было оставить Хадада в живых и расспросить об этом.

— Даже если что-то знал, он ничего не рассказал бы. Зато мы легко могли погибнуть, занимаясь расспросами.

— Да, это было бы нелепо...

— Но дело ещё не закрыто. Мне есть что сказать на следующем совете, а ещё у нас есть вот это, — Гил взял в руки копьё Рика Ханта.

— Думаю, стоит вернуть его семье Ханта при встрече.

— Хадад остался жив именно по вине этого оружия. Сомневаюсь, что они захотят оставлять его себе.

— Ничего не поделать. В те времена не было ни серебряных пуль, ни святых копий.

— У нашего друга три обвинения в пособничестве к убийству и два покушения на жизнь, приговор должен быть достаточно строгим... А как в прошлом относились к тем, кто примыкал к вампирам?

— Их убивали. Я слышал... что людей, которые сотрудничали с вампиром и приносили жертвы, убивали вместе с Кровавым Лордом.

— Даже если они делали это из-за угроз или обмана?

— Даже если им угрожали жестокими пытками и грозили убить их семьи.

— Тебе не кажется это несправедливым?

— Думаю, нет. Сейчас мне кажется... — Гил вздохнул, — если бы все вампиры исчезли, то ничего этого не случилось бы.

— Не ожидала услышать такое от тебя.

После отчёта в Агентстве казни и дачи показаний офицерам Кардиффа Розали совсем вымоталась.

— Ага. А что насчёт суммы ущерба?

Крыша Троицкого собора накренилась после взрыва в подвале. Статуя Рика Ханта наклонилась вперёд и рухнула. Розали тихонько ворчала, потому что возмещать ущерб ей придётся из собственного жалованья.

Жаль, что вампира успешно ликвидировали, иначе он познал бы гнев жителей за то, что нанёс непоправимый ущерб историческому памятнику. Представив себе это, даже Розали стало не по себе.

В подвале Троицкого собора больше ничего не было. На полу, где умер Хадад, осталась только горстка пепла. Солнце приветливо светило над статуей Девы Марии.

— Идём, Гил. Скоро прибудет поезд в Эдинбург.

— Хорошо.